

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кандидат технических наук Маханов Николай Иванович в строгом черном костюме в полоску, белой, уже несвежей рубашке без галстука, который он снял еще в Москве, когда садился в поезд, вышел в тамбур с небольшим чемоданом в руках. Здесь, по крайней мере, было немного прохладней. И не был слышен плач ребенка, что капризничал от самого Киева. Мать, как ни старалась успокоить его — не получалось.

У Маханова не было детей. Да и женился он только два месяца назад. Представив, что и его в будущем ждет такое же счастье, Николай Иванович передернул плечами. Здесь, в тамбуре, не было слышно и двух мужиков, которые сели в поезд на прошлой станции и увлеченно пили самогон, сваренный, судя по запаху, из рубероида. Но их он устраивал, и мужики делали перерыв только на короткие промежутки, во время которых с неудержимой и даже открытой агрессией обсуждали подлость какого-то Ивана.

Женщина, сидевшая у окна напротив, попыталась сделать им замечание, но мужики так глянули на нее, что она посчитала за лучшее отвернуться

и прикусить язык, что, впрочем, от нее и требовалось. И вообще, находясь в пути вот уже сутки, с четырехчасовой остановкой в Киеве, Маханов устал. Настроение — и так хуже некуда, а тут еще соседи. И каких только в дороге не встретишь! Хотя, следует признать, что большинство из них — нормальные советские люди. Но, как говорится, «в семье не без урода».

Он достал пачку «Казбека», прикурил и с удовольствием затянулся. Посмотрел на часы — «Кировские» были роскошью даже в Москве. В основном в ходу были карманные. Стрелки показывали 21.37. Это означало, что в город, если поезд не опаздывает, он приедет через тринадцать минут.

За окном простучал мост над рекой, следовательно, поезд не опаздывает. От моста до вокзала как раз где-то минут пятнадцать. Сразу за мостом пошли небольшие хаты пригородных поселков.

В тамбур вышел еще один мужчина постарше Маханова, но ненамного, также, как Николай Иванович, в костюме и при галстукке. Странно, но Маханов за четыре с половиной часа пути от Киева ни разу его не видел. Или он выходил курить в другой тамбур? Этот тоже достал папиросу «Казбек», прикурил. Посмотрел сначала на Николая Ивановича, потом за окно:

— Кажется, подъезжаем?

Он ни к кому не обращался, просто высказал предположение, но в тамбуре они были вдвоем, и поэтому Маханов счел нужным ответить:

— Да, до станции меньше десяти минут.

— В командировку? — спросил мужчина и тут же поправился: — Извините, разрешите представиться — Агеев Александр Владимирович.

Не хотел Маханов вступать в разговор, но пришлось.

— Очень приятно. Маханов Николай Иванович. Нет, я еду не в командировку, а домой.

— А я в командировку, будь она неладна, еще раз извините, вы живете в городе?

— Нет, я живу в Москве, еду на свою родину, в Олевский район, слышали о таком?

Странно, но Агеев располагал людей к откровенности во время разговора. Качество, которым обладают немногие.

Он отрицательно покачал головой:

— К сожалению, нет, да и в город я по служебным делам.

— Вы... военный? — спросил Маханов.

— Да, а как вы узнали?

— По внешнему виду.

— Часто общаетесь с военными? Или... нет, вы на офицера не похожи.

— Благодарю за комплимент.

— Я не хотел вас обидеть.

Маханов вздохнул:

— Какие могут быть обиды, Александр Владимирович. Да, мне приходится часто общаться с военными, по роду так сказать, работы, но... это касается только меня.

Агеев улыбнулся:

— Бдительность превыше всего?

— А разве не об этом нам напоминают плакаты на каждом углу?

— Вы правы. Давайте, попробую отгадать, почему вы едете домой. Вы в отпуске, так?

— Да.

— Счастливый человек! А мне в отпуск — в декабре, и то, если отпустят.

— Я бы многое отдал, чтобы не ездить в этот отпуск, — проговорил Маханов, закуривая вторую папиросу.

— Почему? — удивился попутчик.

— На похороны отца еду. — Маханов глубоко затынулся, поперхнулся, закашлялся. На глазах выступили слезы.

— Вот оно как, — протянул Агеев, — примите мои соболезнования.

Маханов откашлялся:

— Спасибо.

И вдруг его словно прорвало:

— Я был дома два года назад. Обещал отцу, что приеду. Он — последний близкий мне человек. Есть, конечно, родня, но все это не то. Весной он написал письмо, спрашивал, приеду ли? Я обещал, да не смог — работа. И вот теперь... да что там. — Он махнул рукой, вновь глубоко затягиваясь дымом папиросы.

— Извините, Николай Иванович, а мама?

Маханов раздавил окурочек в жестяной банке, которая висела на двери:

— Мама умерла в тридцать седьмом.

— Понятно. Я тоже, знаете ли, один на этом свете. Родителей не помню, как оказался в детском

доме — тоже. Хорошо помню, как с товарищами сбегал оттуда, беспризорничал... Но, кажется, подъезжаем.

Паровоз издал длинный гудок, сбросил скорость. Состав медленно, скрипя тормозами и лязгая сцепкой, въехал на главный путь и остановился.

— Ну вот и город, — проговорил Агеев и взглянул на Маханова. — Я за вещами. А вам есть где остановиться? Если нет, могу пристроить в гостинице комендатуры.

— Нет, благодарю, вы поспешите, а то вещи уведут. С этим тут просто.

— До свидания.

— Всего хорошего.

Маханов, не дожидаясь проводника, дернул ручку. Дверь оказалась открытой, и он сошел на перрон. Поправил шляпу, взглянул на окна вагона: те, кому выходить, начали собираться. Поезд шел дальше, в Белоруссию. Таких составов были единицы, но они были.

Маханов подумал, а кого, собственно, он ждет? Военного, с которым встретился в тамбуре? Но ему с ним не по пути. Да и о чем говорить? За какие-то десять минут было сказано больше, чем за всю дорогу. Расстегнув пиджак и сдвинув шляпу на затылок, Николай Иванович миновал вокзал и вышел на привокзальную площадь.

Там нес службу наряд милиции. Маханов был первый, кто вышел из вокзала с момента прибытия Киевского поезда, он просто не мог не привлечь внимания охранников правопорядка. Его окликнули:

— Молодой человек.

Маханов повернулся:

— Да?

Наряд уже был рядом.

Сержант козырнул, представился, но Маханов не расслышал фамилию.

— Документы предъявите.

Николай Иванович поставил на мостовую чемодан, достал из внутреннего кармана пиджака паспорт, протянул милиционеру:

— Пожалуйста.

Сержант внимательно изучил документ:

— Из Москвы, значит. И по какой надобности к нам?

Милиционер смотрел равнодушным взглядом — исполнял обязанности, не более того. Но за внешним безразличием скрывалась та самая бдительность — слово, которое уже вызывало у Маханова аллергию.

Появились и другие пассажиры, с ними Агеев.

— Какие-то сложности, Николай Иванович?

Вперед выступил второй патрульный:

— А вам, что, гражданин, больше всех надо? А ну-ка, предъявите свои документы.

Агеев достал удостоверение личности, раскрыл перед конопатым лицом молодого милиционера.

Тот отработанным жестом поправил портупею, козырнул:

— Извините, товарищ майор, сами понимаете, не ради любопытства.

— Понимаю — служба.

— Так точно, товарищ майор.

Подобрался и сержант.

Рядовой отчеканил:

— Товарищ майор Агеев.

Старший наряда кивнул на Маханова:

— Вы знаете этого человека, товарищ майор?

— Да. Еще вопросы будут?

— Извините, конечно, — сержанту, видно, пришлось не по душе вмешательство армейского офицера, — вы, товарищ майор, к нам прибыли в командировку?

— А пошли, сержант, своего напарника, пусть он позвонит в комендатуру. Там ответят на твой вопрос, а я перед тобой отчитываться не обязан.

Сержант хмыкнул, хоть офицер был ему и не по душе, но вступать в конфликт с майором, неизвестно еще какую структуру в армии представляющим, не хотелось. Он вернул паспорт Маханову:

— Можете быть свободны.

Николай Иванович положил документ обратно в карман:

— И стоило ли вмешиваться, товарищ майор?

Агеев улыбнулся:

— Машинально получилось. Не мог же я пройти мимо? Ладно, подобные проверки тоже нужны. Вам, Николай Иванович, в какую сторону?

— По Вокзальной, налево. Тут рядом.

— Автобусы уже не ходят. За мной должна прибыть машина, что-то я ее не вижу, ну и черт с ней, дойду пешком, до комендатуры недалеко.

— Спасибо. Почему вам не дождаться машины? У вас, военных, не то что у штатских. Должна прибыть, значит, прибует. А вас нет на месте.

— Водитель — не мальчик, подождет, уедет. Знаете, терпеть не могу ждать.

— Ну, это ваше дело. До свидания.

— До свидания, Николай Иванович, и... еще раз — соболезную.

— Благодарю.

Маханов пошел через площадь к закрытому при вокзальному магазину. На углу обернулся. Майора на площади не было. «Быстро же успел пройти в переулок», — подумал Маханов и тут же забыл об офицере.

Время, по меркам провинциального города, пусть даже и областного центра, — уже позднее, а ему следовало поспешить.

Маханов пошел по Вокзальной улице. Дошел до второго переулка, свернул.

Здесь все утопало в зелени. Над заборами нависали ветви фруктовых деревьев, в палисадниках шумели кусты сирени, она отцвела в конце мая, теперь распустился жасмин. Запах цветов заполнял улицу. Впрочем, это был не жасмин. Так в России называют чубушник, хотя разница между ними внешне незначительная. И вряд ли, кто знает об этом. Спроси у местных, что за куст цветет, ответят — жасмин.

Идти ему было недалеко. У калитки второго участка Маханов остановился. В конце переулка маячил человек. Похоже, кого-то ждал.

Николай Иванович вздохнул, перегнулся через калитку, сбросил крючок. Прошел по узкой дорожке к крыльцу. В окнах горел свет.

Он постучал. Послышались шаги и стук костыля.

— Кто там? — раздался приятный женский голос.

— Мария Никаноровна, это Николай Маханов.

— Ой, Коля, сейчас, погоди.

Она отодвинула засов, открыла дверь.

— Приехал?

— Приехал. Разве я мог не приехать?

— Да, конечно, горе-то, Коля, какое... Ты проходи, проходи...

Как только Маханов направился по адресу, Агеев вернулся на вокзал. Постоял минут пять. Потом быстро перешел площадь, прошел привокзальный переулок, остановился возле закрытого пивного ларька. Посмотрел на часы. И тут же резко обернулся. Перед ним стоял мужчина.

— Вот черт, Генрих, и что у тебя за привычка подходить бесшумно?

Незнакомец улыбнулся:

— Тебя что-то не устраивает?

— Можно и без этого.

— В следующий раз буду шуметь на весь город. Что у нас?

— У нас все в порядке. Он приехал. Надеюсь, его контролируют?

— Во втором переулке. На Вокзальной я решил не светиться.

— Правильно. Незачем тревожить людей. Особое внимание к нему завтра.

— Я все прекрасно знаю, Алекс. Связь по прежнему каналу?

— Да. Все, я в комендатуру, а ты занимайся господином Махановым, мне надо знать все о его передвижениях.

— Их несложно предугадать. Завтра он поедет в райцентр Олевск, оттуда в село Горбино, у него же умер отец?

— Не надо гадать, надо точно знать, где он и что делает.

— В селе за ним присмотрят. Но если задержится в Олевске... сам понимаешь, там контроль невозможен.

— А ты постарайся сделать так, чтобы все было возможно. Все, что касается господина Маханова. И задержаться он не должен — он спешит в деревню. До встречи.

— Счастливо.

Агеев поспешил в комендатуру, до которой от вокзала было минут пятнадцать быстрым шагом.

Генрих остался у ларька. Там же встретил связного, который доложил:

— Он у своей тетки!

— Хорошо. Продолжай смотреть за переулком, к дому не подходи.

— Это не так просто. Военные патрули, наряды милиции...

Генрих перебил связного:

— Что ты еще хочешь сказать, Дирк?

— Дмитрий, Генрих... Дмитрий Владимирович Коротко.

— Так что ты еще хочешь сказать, Дмитрий Владимирович Коротко?

— Ничего, герр Ковалев, кроме уже сказанного.

— Просто в нашей работе не бывает. Утром, как проводишь клиента, подойдешь сюда, доложишь по ходу, не останавливаясь. Удачи.

— Спокойной ночи, герр Ковалев, — улыбнулся связной.

— Перестань ломаться! Тебе это не идет!

— Привет Альбине.

— Ты еще здесь?

— Только после вас!

— Клоун.

— Нет, Генрих, я не клоун, я веселый человек и смотрю на этот мир с оптимизмом, особенно сейчас, в преддверии грядущих событий. Ауф видерзеен.

Связной повернулся и пошел к вокзалу.

Ковалев направился в сторону Центрального парка культуры и отдыха, где снимал квартиру.

Маханов снял обувь, прошел в комнату. Присел на стул у круглого стола. Вошла и хозяйка — Мария Никаноровна Алексина, родная сестра матери Николая, его родная тетя.

— Сейчас, я на стол соберу, Коля. Если хочешь помыться — на заднем дворе, сосед с утра бочку воду залил. Сейчас еще теплая.

— Да, пожалуй, помоюсь. А то — дорога...

— Помойся, Коль. Где раздеться, ты сам знаешь. Твоя комната готова.

— Спасибо. Трудно вам одной, Мария Никаноровна.

— Я привыкла. Называй меня тетей Машей, не надо по отчеству, мы же родные люди.

— Да, тетя Маша.

Женщина грустно улыбнулась и пошла на кухню.

Маханов прошел в небольшую комнатку. Когда-то здесь жил его двоюродный брат, Сергей. Отсюда он был призван в армию и погиб на Халхин-Голе в тридцать девятом. Тогда же умер и дядя, Михаил Николаевич, тетя Маша осталась одна. Похоронив мужа и сына, она слегла. А после больницы могла ходить только с костылем.

Маханов тряхнул головой, разделся и пошел в душ.

На ужин Мария Никаноровна выставила вареную картошку, порезанный на тонкие полоски кусок сала, малосольные огурцы, грибы, краюху хлеба.

— Подождите, тетя Маша.

Маханов достал из чемодана палку сырокопченой колбасы и бутылку водки.

— Вот.

— Ой, Коля, эта колбаса такая дорогая, ты ее возьми лучше с собой в деревню, там такой не видывали.

— Режьте, тетя Маша, у меня и для деревни есть.

— Ты, наверное, много получаешь?

Маханов как-то не задумывался об этом. Платили ему на самом деле много, две тысячи рублей,

оклад командира корпуса, генерал-лейтенанта, если переводить на военных. Николаю и жене его Тамаре всего хватало, да еще супруга как учительница получала семьсот пятьдесят рублей. Из этих денег высчитывался подоходный налог и взносы в так называемый «добровольный» заем.

— Мы с женой не жалуемся.

— Да, ведь ты женился! И кто она?

Маханов пожал плечами:

— Женщина. А если серьезно — Тамара Савельевна Гридман. Теперь, естественно, Маханова.

— Скоро и детишки пойдут, жаль, не увидит их отец твой.

Тамара не хотела детей, но не говорить же об этом родне? Не поймут. Здесь, в провинции, все по-другому. Никому и в голову не придет, чтобы в семье не было детей. А в Москве это в порядке вещей, особенно в тех кругах, что считали себя здоровой, советской аристократией.

— Да, — тихо ответил он.

Бутылка открыта. Мария Никаноровна встрепенулась:

— А стопку-то! Стопку-то я не поставила. Или тебе рюмку?

— Стаканы, тетя Маш, и себе тоже.

— Ну, если только пригубить, нельзя мне. Ивана помянуть надо.

Она принесла два стакана.

Тетке Николай плеснул на самое дно, себе налил полный.

— Ну, тетя Маш, за отца.

— Да, Коля, хороший был человек. Царство ему небесное.

Она перекрестилась.

Маханов промолчал. Выпил стакан. Вообще-то он пил очень мало. Можно сказать, не пил совсем. Так, на большие праздники, у родителей Тамары или с начальством. И сразу же хмелел.

— Никогда не прошу себя, тетя Маш, что не приехал раньше. А ведь мог настоять, чтобы отпуск дали, но все откладывал. Дооткладывался. Теперь на похороны бы успеть. Даже не знаю, как буду прощаться. Он же для меня — да что там, вы все прекрасно знаете.

— Иван гордился тобой. Ты же, почитай, из деревни один в люди выбился. Ученым стал.

— Да каким там ученым! Кандидат технических наук. Недавно диссертацию защитил. И брат двоюродный, сын дяди Степана, офицер.

Мария Никаноровна с уважением посмотрела на племянника:

— Вот, «кандидат наук», «диссертация» — у нас и слов-то таких не знают.

— Не важно все это.

— Мать бы тоже гордилась тобой. Да она и гордилась... — Мария Никаноровна не договорила, заплакала: — Вот она какая жизнь, Коленька. Уходят близкие, Господь прибирает, а я...

— Бога нет, тетя Маша.

— Это для тебя нет, а для меня есть. Не надо говорить, чего не знаешь.

— Хорошо, не будем.

— Да ты, закусывай давай, не стесняйся.

Он съел все, что выставила Мария Никаноровна, колбасу не тронул — это для нее, потом попробует.

Налил еще. Мария Никаноровна покачала головой:

— А надо ли, Коля?

— Надо, тетя Маш, знаете, как мне плохо?

— Знаю, Коля, как не знать, сама переживаю.

— Ну, извините.

— Да что ты. За что извиняешься?

Маханов поднял стакан, посмотрел на содержимое, поставил на стол, спросил:

— Расписание автобусов не изменилось?

— Нет, Коля, автобус завтра в 9.00 от вокзала. Да автобус-то — одно слово, так, колымага. Но люди ездят. А в районе тебя будет ждать Фомич.

— Дед Николай?

— Он. Приезжал давеча, сказал — завтра будет ждать с подводой.

— Подвода, — проговорил Маханов, — это так странно.

— Конечно, ты в Москве привык к метро да машинам. А у нас в деревне всего три машины, люди на подводах ездят. И то, если колхоз лошадь даст.

— Да-да...

Он выпил. Марии Никаноровне пришлось провожать племянника до кровати.

Проснулся Маханов рано, на часах было 6.00. Голова раскалывалась, настроение поганое, но похмелье отвлекало его от горестных мыслей.

Он вдруг подумал, не хватился ли его капитан госбезопасности Ройман? Ведь телеграмму он получил вечером, когда приехал домой. До Роймана не дозвонился, видно, не особо спешил начальник к семье. Пришлось отпрашиваться у профессора. Гринеvский сначала опешил, но потом сказал: «Поступай, как знаешь». Он не имел права отпускать подчиненного, а Маханов не имел права не поехать. И уехал. Но если бы его хватились, то уже на вокзале встретили бы сотрудники местного управления госбезопасности. Или даже раньше, еще в Киеве. Однако не встретили. Значит, поняли, что иначе поступить он не мог. И капитан госбезопасности Ройман, рьяный служака и непримиримый борец за идеалы коммунизма, оказывается, мог быть человеком. В любом случае, что сделано, то сделано.

Маханов принял прохладный душ, стало немного легче.

На кухне застал тетушку, та подала ему огуречного рассола:

— Выпей, Коль, полегчает. Видать, не привык ты пить.

— Да я и не пью, тетя Маш.

Он выпил половину банки. Легче стало на несколько минут. Но Маханов знал: скоро отпустит. Потянулся было за папиросами, но пачка оказалась пустой.

— Надо же, ведь полная вечером была.

— Так ты дымил, как паровоз, — улыбнулась Мария Никаноровна.

— Да? Извините.

— Да что ты все извиняешься? Чай, не чужие.

— Да, конечно. Автобус говорите...

— В девять, Коля, в девять. Отправляется по расписанию, а вот когда приедет в Олевск, не знает никто. Часто ломается. Но другого транспорта до района все равно нет. Эх, жаль, не смогу проститься с Иваном. Но ты уж там и от меня цветочки-то на могилку положи.

— Положу.

— Завтрак приготовить?

— Нет, не хочу. Чаю выпью.

— Я уже поставила чайник. А скажи, Коля, что в Москве насчет войны говорят? Будет или нет? У нас разные слухи ходят.

— Не знаю, тетя Маш. Но если Гитлер решится напасть, то, будьте уверены, наша доблестная Красная армия даст ему такой отпор, что немцы до Берлина бежать будут.

— Ой ли, Коля? Хотя, тебе лучше знать.

— Если честно, тетя Маш, то и в Москве разное говорят, но мне не до слухов — работа.

— А кем ты работаешь?

Маханов посмотрел на тетю:

— Я инженер, на заводе. Вот, жду повышения.

— Смотри, Коля, чем выше поднимаешься, тем больше падать будет. У нас вот с тридцать седьмого года сколько народу арестовали да отправили неизвестно куда вместе с семьями. И теперь их «врагами народа» называют. Неужели они все на самом деле враги, а, Коля?

Маханов поморщился:

— Тетя Маша, наши органы невинных не сажают.

— Так ли?

— Так, тетя Маш. А как по-другому, когда весь мир ополчился против нас? Одного только и желают, чтобы рухнуло наше социалистическое государство. Может, и высокопарно говорю, но это так.

— Ну бог им судья. Только ты там в Москве поаккуратней.

— Теть Маш...

— Все, прекратили. Сейчас чай принесу.

Попили чайку. Маханов стал собираться.

— Не рано ли, Коль, уходишь? Еще полтора часа до автобуса.

— Прогуляюсь по утреннему городу, да и папирос надо купить.

— Ну, дело хозяйское. Ты уж прости меня, старую, что не могу поехать...

— Да что вы, тетя Маш, — он выдал из себя улыбку, — чай, не чужие.

— Ну, пойдем, провожу.

С утра было прохладно. Но прохлада и нужна была Маханову. Он постепенно приходил в себя. Пройдя по Вокзальной, зашел в магазин, который уже открылся, купил папиросы, целых пять пачек. На улице с удовольствием закурил. Посмотрел по сторонам. Мелькнула какая-то тень в проулке. Он не обратил на это внимания, мало ли кто.

Город оживал, начинался новый трудовой день. Сегодня четверг, 19 июня. Народ уже на работе. Несмотря на то что город был областным, он больше

напоминал крупный районный центр. С тех пор как граница отодвинулась на запад, здесь стало спокойней. Ушли пограничники, военных стало меньше, хотя гарнизон оставался приличный. В городе стоял штаб дивизии, вокруг — части соединения.

Многих сейчас интересовал вопрос: будет ли война? Судя по тому, как жил сейчас этот город, войны никто не ждал. На вокзале офицеры с семьями уезжали в отпуск. Разве отпустили бы их, если бы руководство знало о надвигающейся угрозе? Очевидно — нет, иначе все части были бы приведены в повышенную боевую готовность. Подтянули бы и другие соединения из глубины страны. Где, как не на границе встречать врага? Но ничего подобного не было.

Он пошел на привокзальную площадь.

Там, у продмага, в гордом одиночестве уже стоял непонятно какого цвета обшарпанный автобус «ЗиС-8». У открытой его двери топтался мужик, водитель этой, как выразилась тетя Маша, колымаги. А ведь точное сравнение!

Маханов подошел ближе:

— Здравствуйте.

— Будь здоров.

— Вы водитель?

— Ну да.

— В Олевск?

— Туда. Тебе в райцентр?

— Да.

— А чего так рано подошел? Или думаешь, места не хватит? Хватит, сейчас народу немного, в выходные запарка будет, а сейчас хорошо, если половина

наберется, так что можешь еще погулять. Тут недалеко пивная есть. Уже открыта, кстати. Пивка попей. А к девяти подходи.

— Я не пью.

— Да? Не пьешь чего? Пиво?

— Ничего не пью.

Шофер рассмеялся:

— Ну, это ты кому другому заливай, от тебя же перегаром несет, как из винной бочки.

— Серьезно?

— А чего мне врать? Видать, вечером неплохо принял. Праздник, что ль, какой отмечал? Вроде не было никакого праздника.

— Не праздник, не знаю, как вас зовут...

— Василием.

— Николай.

— Угу. Как говорится, очень приятно.

— Я, Василий, на похороны еду. Отец у меня умер.

Шофер сменил тон, сочувственно покачал головой:

— Вот оно как. Извиняй, соболезнаю. Это, конечно, дело святое — помянуть-то.

— Мы доедем до Олевска?

Шофер с удивлением поднял глаза:

— Не понял?

— Я спрашиваю, доедем ли до райцентра? Что-то автобус не внушает мне доверия.

— А чего автобус? С норовом — да, может сломаться, а я на что? Устраню поломку и дальше поедем. Доедем, не беспокойся.

- Мне желательно успеть до десяти часов.
- Должны успеть. Я, конечно, ничего не гарантирую, но мой «ЗиС» не так уж часто ломается, как говорят. Тебе кто сказал об этом?
- Не важно. Доедем — хорошо. А нет — без меня, думаю, хоронить не будут.
- Если знают, что приедешь, точно не будут. А тебе до райцентра или дальше?
- В Горбино.
- А... Это еще верст десять. Ну про деревню сказать не могу. Там с этим делом, я имею в виду похороны, строго. Народ хоть и сознательный, а старается придерживаться обычаев. Как священник отпоет, так и понесут на кладбище.
- Священник?
- Шофер посмотрел на Маханова:
- Ты откуда приехал, Николай?
- Из Москвы.
- Ну, тогда понятно. Какие же похороны без священника? У нас здесь так. Это в столице, я слышал, покойников жечь начали. Или, может, слухи?
- Не знаю, не интересовался.
- Наверное, слухи. Как можно человека сжигать? Не православные мы, что ли?
- А ты верующий, Василий.
- Шофер ответил уклончиво:
- Умеренно верующий.
- Это как?
- А так. — Шофер решил прервать разговор, кто знает, кто такой этот московский франт. А вдруг из органов? Наговоришь лишнего, окажешься потом

за решеткой. — Иди погуляй. Пивка дерни. А лучше в столовке закуси, правда там сейчас только буфет открыт. А мне осмотр провести надо.

Поняв, что разговор окончен, Маханов прикурил папиросу и пошел к привокзальному переулку. Увидел пивную. Около окошка небольшая кучка мужиков. Похмеляются. Один из них выделялся приличным костюмом и выбритым лицом. Мужики озирались по сторонам, чтобы не проглядеть милицейский наряд. Милиция прицепится, не отпустят, можно запросто загреметь на общественно-полезные работы. Но, к счастью, наряда не было, и мужики попивали пиво, кряхтя и причмокивая. Дымили махоркой, ядовитый дым которой перебивал запах цветов.

Пива не хотелось, ничего не хотелось, кроме одного — быстрее попасть в деревню. Пройдя дальше по улице, по которой шустро бегали трамваи, Маханов постоял у витрины продмага, потом медленно направился обратно к вокзалу. И вновь ему показалось, что за ним кто-то следит. Обернулся — никого.

«Чертовщина какая-то, — подумал Маханов. — Кто может за мной следить в городе? Эх, Николай Иванович, пить меньше надо».

Он подошел к автобусу, когда возле него уже собралось человек десять. Все с сумками и баулами. Либо из райцентра приезжали затовариваться на городском рынке, либо городские везли в район гостинцы родне.

Шофер приветливо кивнул:

— Проходи, Николай батькович. Ты первым подошел, тебе первому и садиться.

— Чегой-то ему первому? — воскликнула молодая женщина с семечной шелухой на губе. — У нас все равны.

— Равны-то равны, Клавка, да порядок есть порядок. И как тебе еще хвост не пришили в райцентре? Мотаешься туда-сюда.

— А не твое это дело, Вася. Я свободная женщина.

— Гулящая ты.

— А ты что, за ноги меня держал?

Мужик рядом вступился:

— А ну, хорош собачиться. И что за времена настали — люди, как собаки, с цепи сорвались. Угомонись, баба!

Клавка примолкла.

Маханов поднялся в автобус, сел во втором ряду у левого окна. За ним потянулся остальной народ. Клавка зашла последней. И чего, спрашивается, возмущалась? Интересно, где она работает, что может каждый день в город ездить? Хотя, его это не касается. Люди здесь живут совершенно другой жизнью, не то что в столице. Другая она, эта местная жизнь, и заботы у людей другие.

Наконец двери закрылись, и автобус, скрипя всем, что только может скрипеть, отъехал от вокзала.

Маханов не заметил, как его проводил взглядом мужчина в черном костюме. Тот, дождавшись отъезда «ЗиСа», осмотрелся и медленно пошел к пивному ларьку. Там подошел к человеку в черном, что-то бросил ему на ходу и ушел к трамвайной остановке.

Мужчина высыпал пышной продавщице восемьдесят копеек, взял кружку пива и встал за одним из столиков. Только сделал пару глотков, как неожиданно раздался предупреждающий возглас:

— Легавые!

И куда только делся народ, что минуту назад толпился у столиков. Даже кружки не оставили — прихватили с собой.

Наряд милиции подошел к мужчине в черном костюме, тот спокойно продолжал пить пиво.

— Пиво пьем, гражданин? — спросил сержант.

Мужчина изобразил удивление:

— А ничего больше в этом ларьке не предлагают.

— Шутник, да?

— Ну почему же? Я не шучу.

Сержант рявкнул:

— Документы!

— А может, вы представитесь сначала?

Милиционеры переглянулись. Мужчина вел себя чересчур уверенно, у служителей правопорядка уверенности поубавилось.

— Предъявите документы, гражданин.

Мужчина усмехнулся, достал паспорт:

— Пожалуйста.

Сержант начал листать:

— Гражданин Ковалев Геннадий Алексеевич?

— Там все написано.

— И что же, гражданин Ковалев, вы делаете здесь в рабочее время?

— Станный вы, сержант, видите же — пью пиво.

— В рабочее время.

— У меня сегодня отгул.
— И где мы работаем?
— На Агрегатном заводе, заместитель главного инженера.

— Вот как? — недоверчиво, но уже без прежней напористости сказал сержант, — интересно, заместитель главного инженера и — вдруг здесь?

Мужчина улыбнулся:

— А разве я не такой же советский человек, как другие? Или я должен посещать исключительно рестораны?

— Значит, выходной?

— Кстати, сержант, вы не представились, — напомнил мужчина.

— Сержант Волков. Мой помощник, рядовой Рябинин.

— Это другое дело. Да у меня сегодня выходной, первый за этот месяц. Вас что-то смущает? Если так, мы можем пройти в отделение, вы позвоните на завод директору или главному инженеру и все проверите. Но тогда, товарищи милиционеры, мне придется поговорить с вашим начальством. Вы прекрасно видели, что здесь распивают пиво с утра с десятков человек, явно ведущие антисоциальный образ жизни. И при этом вы позволили им уйти. А в этой среде всяких много. Однако вы не соизволили принять меры для их задержания. Думаю, начальству будет интересно узнать, почему вы, сержант Волков, подобным образом исполняете свои служебные обязанности.

Он допил пиво, взглянул на смутившегося сержанта:

— Я готов, ведите меня в отделение.

Милиционер протянул ему паспорт:

— Извините, товарищ Ковалев, обойдемся без отделения. Но чтобы вы не думали, что мы с рядовым халатно относимся к исполнению служебных обязанностей, скажу: мы знаем всех, кто находился здесь. И с них спрос — впереди.

— Тогда считаю инцидент исчерпанным.

Сержант и рядовой козырнули, поспешили убраться.

Мужчина тихо выругался. Если бы кто-то находился рядом, то сильно бы удивился незнакомому языку внешне обычного советского гражданина.

После того как наряд скрылся в районе привокзальной площади, к столику подошел опрятного вида армейский майор в до блеска начищенных сапогах и отглаженной форме:

— Здравствуй, Генрих.

— Приветствую, Алекс.

— Что хотел от тебя наряд милиции?

— Сержанту не понравилось, что я пью пиво в рабочее время.

— Кстати, мог бы обойтись и без этого.

— Так естественной.

— Стоило ли рисковать?

— А в чем риск, Алекс? Подобные проверки в городе на каждом шагу. А я — честный советский служащий.

— Кем ты представился?

— Заместителем главного инженера.

— В следующий раз, пожалуйста, избегай таких

встреч. Милиционеры наверняка проверят твои данные.

— А я думаю, нет. Но если и проверят, все подтвердится.

— И зачем это?

— Гут, Алекс, я понял тебя.

Майор прикурил папиросу:

— Что по нашему клиенту?

— Он всю ночь провел у своей тетки. С восьми часов проходил мимо ларька. Дирк остался на площади, клиент дошел до продмага, пошел обратно. В 9.05 Дирк доложил, что клиент уехал на рейсовом автобусе до Олевска.

Майор покачал головой:

— Хорошо. Дирку — отдыхать, тебе с Альбиной быть готовыми выехать за реку в лес для передачи информации в Центр. Я подъеду часов в одиннадцать. Сообщим полковнику о приезде Маханова в город и его убийтии в деревню.

— Надеюсь, он оценит нашу работу по отцу клиента.

— Оценит, Генрих, не сомневайся. Но только после того, как мы завершим операцию.

— Пусть так! Значит, все, как обычно?

— Да.

— Тебе не кажется, Алекс, что русские ведут себя неоправданно беспечно? Город полон слухов о скорой войне, а ни гражданское, ни военное начальство ничего не предпринимает?

Майор аккуратно затушил окурочек в жестяной банке, заменявшей в пивной пепельницу, брезгливо отодвинул руку:

— В Москве до сих пор надеются, что удастся избежать войны, по крайней мере этим летом. Все, нечего тут светиться, расходимся.

Майор повернулся и пошел к комендатуре. Мужчина выпил еще кружку пива и направился к ЦПКиО.

В 11.20 армейский пятиместный четырехдверный автомобиль типа фаэтон «ГАЗ-А» остановился возле хлебного магазина. Майор посигналил и зашел внутрь помещения. Когда вышел, в открытом кузове уже сидели Генрих и миловидная женщина лет двадцати шести в простой одежде. Майор бросил им на заднее сиденье купленный хлеб, кивнул женщине, сел за руль и развернул автомобиль.

Из города они выехали без происшествий, проехали по мосту через реку и двинулись по дороге. В лесу свернули на грунтовку и в 12.10 остановились на небольшой поляне рядом с дорогой.

Майор обернулся к пассажирам:

— Посмотри вокруг, Генрих.

— Слушаюсь, герр майор.

— И без кривляний.

— Да, герр майор.

Мужчина обошел местность в радиусе пятидесяти метров.

— Все в порядке, Алекс.

Майор приказал женщине:

— Альбина, возьмите передатчик и выходите.

Начало сеанса ровно в 13.00, готовьте аппаратуру.

— Да, Алекс.

Женщина с чемоданчиком ушла в глубь леса.

Когда они остались вдвоем, Генрих спросил майора:

— Что в комендатуре?

— Разве это тебя касается?

— Нет, но...

— Никаких «но», Генрих! Обеспечь контроль за местностью.

— Да нет здесь никого.

— Ты плохо понял?

— О, майн гот, быстрее бы все закончилось.

— Не торопись. Чем грозит спешка в нашем деле, ты сам прекрасно знаешь. Я к Альбине.

— Да, Алекс.

Майор пошел вслед за женщиной. Она уже приготовила аппаратуру, вывесила антенну, устроилась на поваленном дереве.

— Я готова, Алекс.

Он посмотрел на часы, передал ей записку:

— Шифр обычный. Начинай.

Застучал ключ. Женщина быстро передала сообщение и вернула записку майору. Он тут же ее сжег.

— Ждем ответа.

Женщина приготовила блокнот, карандаш и стала ждать, прислушиваясь к шуму в наушниках. Через полчаса она встрепенулась и начала делать записи. Сеанс связи закончился.

— Что, Альбина? — спросил майор.

— Минуту, Алекс.

Женщина написала на чистой странице текст, выдернула ее из блокнота и передала майору. Тот прочитал, задумчиво переступил с ноги на ногу:

— Понятно! Сворачивайся.

— Да, Алекс.

Майор вышел к машине, еще раз внимательно прочитал текст, после чего сжег и эту записку.

— Что там Центр, Алекс? — спросил напарник.

— Задание остается прежним. Уточнение после захвата. Помогите Альбине.

Они выехали из леса в 13.30 и в 14.00 проехали мост. Майор остановил машину у кинотеатра:

— Отсюда пойдете пешком.

Генрих удивился:

— Что со станцией?

— Станция останется у меня. Так надежнее. Следующий сеанс связи — 22 июня, в воскресенье. Я подъеду. А сейчас мне надо заняться служебными вопросами.

Напарник усмехнулся:

— Чего ими заниматься, Алекс? В воскресенье здесь никого не останется.

— Знаешь, Генрих, — майор обернулся, — у русских есть хорошая пословица — не надо делить шкуру неубитого медведя.

— Ты это о чем, Алекс? Неужели ты думаешь, что Красная армия в состоянии оказать серьезное сопротивление непобедимой армии вермахта? Русские даже здесь, на западе, ведут себя так, словно наши войска вышли к границе на ученья.

— Никогда, Генрих, не надо недооценивать противника. Русские — особый народ. Да, они живут впроголодь, работают, как рабы, на заводах и фабриках, я уже не говорю о колхозах. Они одеты не

как европейцы, хорошо если у мужчины есть один выходной костюм, а у женщины платье. Их давят репрессиями, подвергают моральному унижению. Но зато у русских есть одна, с моей точки зрения, совершенно замечательная особенность. Они каким-то невообразимым образом умеют перестраиваться и мобилизовываться. Неужели, проработав в России почти пять лет, ты этого еще не заметил?

Генрих пожал плечами:

— Русские — низшая раса, так же как украинцы, белорусы и все народы, входящие в Советский Союз. Этого для меня достаточно. Приходится общаться с ними на равных. Но знал бы ты, с каким усилием это мне дается! А евреи? В одном только этом городе их десятки тысяч. Когда я вижу еврея, моя рука машинально тянется к пистолету. До того ли, чтобы оценивать их?

— Напрасно, Генрих. С евреями вопрос будет решен кардинально и быстро, как, впрочем, и с большевиками, но со всеми остальными нам придется работать и в условиях оккупации. Конечно, не нам лично, а другим нашим соотечественникам. Вот только удастся ли блицкриг? Здесь у меня большие сомнения. Русские даже без патронов, с одним только штыком будут драться отчаянно. Когда их стране угрожает опасность, они забывают и про репрессии, и про причиненные им обиды. Они удивительным образом умеют разделять власть и Родину. Я вообще считаю, что нападение на Советский Союз — это авантюра Гитлера. Здесь предсказать что-либо просто невозможно. Но — довольно слов! Выходите. 22-го числа я у вас.

— Что, прямо к нам в барак придешь?

— Почему бы нет?

Генрих пожал плечами:

— Ты руководитель группы, тебе решать.

— Совершенно верно. До встречи, Генрих, до встречи, Альбина. Надеюсь, до воскресенья вас не арестуют.

Он рассмеялся. От этого смеха у женщины по спине пробежал холодок.

Высадив пассажиров, майор Агеев вывел машину на окраину города, туда, где дислоцировались части советской дивизии. Его пропустили на КПП полка без проверки. Оставив автомобиль у штаба, Агеев уверенным шагом вошел в здание управления. У него на руках было предписание оперативного отдела округа на проверку боевой готовности частей и подразделений соединения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Автобус трясся по разбитой, давно не отремонтированной дороге. Тут был асфальт, и старый «ЗиС», с грохотом и лязгом преодолевая препятствия, с трудом, но выдерживал скорость сорок километров в час.

Маханов не обращал внимания на трудности пути. Он думал совершенно о другом. Он желал и одновременно боялся приезда в деревню. Боялся увидеть отца в гробу, боялся услышать причитания деревенских баб, боялся ощутить на себе сочувствующие и в то же время заинтересованные взгляды

односельчан. Ему не хотелось хоронить отца, как бы по-детски это ни звучало. Не хотелось речей, слез, аханий. Маханов много бы дал за то, чтобы отец был жив. Но жизнь такая штука — всем когда-то приходит срок умирать. Умрет и он, вопрос: скоро ли?

В настоящее время на этот вопрос вряд ли кто-то мог дать определенный ответ, невзирая на возраст. Волна репрессий, захлестнувших страну, ставила под удар любого ее гражданина, будь то колхозник или инженер, министр или высокопоставленный военный чин.

Надо признать, что с приходом в НКВД Берии ситуация изменилась в лучшую сторону. Аресты и посадки сократились, по мелочам не брали. К доносам стали относиться с подозрением, не то что раньше — написал бумагу, глядишь, ночью «воронок» уже увозил оболганного соседа. Арестованный тут же давал показания на того, кто сдал его, и арестовывали уже доносчика. А потом обоих отправляли в лагерь. Доходило до абсурда, но так оно и было. Хорошо, что «было». Надолго ли? Лаврентий Павлович многих освободил, опять-таки из среды тех же чиновников, специалистов и военных. Но не он руководил страной, хотя и начинал занимать в Кремле все более прочные позиции.

Вот и бюро, где работал Маханов, курировал один из людей Берии, майор госбезопасности Платов, интеллигентный, умный человек. И в то же время — требовательный. Было понятно, что кураторство над центром не являлось обязанностью заместителя начальника первого управления

(разведки) НКВД СССР, но внимание работе центра он оказывал повышенное.

Мысли метались в голове, бились в черепной коробке. Разболелась голова, хотя это могло быть и от выпитой водки. Никогда прежде Маханов столько не пил. Да еще эта тряска, как в лихорадке, на так называемой дороге. Хорошо еще, хоть ехали...

Видно он сглазил. А может, это сделал кто-то другой. Сразу же за мостом через речушку, название которой Николай Маханов не помнил — то ли Решка, то ли Орешка, автобус как-то странно дернулся, выстрелила выхлопная труба, и «ЗиС» встал посреди изрытой ямами дороги.

— Ну, вот, — воскликнула Клавдия, — этого нам только не хватало! Что, Вася, отъездился твой шарабан?

— Замолчи! — огрызнулся шофер и обернулся в салон: — Товарищи, терпение! Можете выйти прогуляться, погода хорошая, птички поют, я быстро все налажу. А ты, Клавка, даже не подходи ко мне, если не хочешь отведать гаечного ключа.

— Да нужен ты мне, — скривилась баба.

Она уже заприметила Маханова и, когда Николай вышел из автобуса, подошла к нему:

— Сразу видно человека интеллигентного. Не то что наши охلامоны.

Маханов удивленно посмотрел на спутницу:

— Клавдия, по-моему?

— Да можно просто Клава, я из Олевска.

— Это я уже понял. Николай.

— Очень приятно, Николай. Вы в отпуск?

— Что-то вроде того. Как вы назвали ваших мужчин?

— Ой, не смешите! Тоже мне, нашли мужчин. Мужики они и есть мужики. Охламоны. Плебеи.

— И что это означает?

— А то, что народец никудышный. Нет, есть, конечно, приличные: учителя там, инженеры или врачи, но — больше плебеев.

Маханов улыбнулся:

— Плебей, Клава, это в Древнем Риме человек из низшего общества. Это не раб, это свободный человек, только не пользовавшийся ни политическими, ни гражданскими правами. А ваши мужики имеют все права.

Она с нескрываемым уважением посмотрела на Маханова:

— Вы ученый?

— Инженер.

— Но вы не из райцентра. В Олевске я всех знаю, и меня знают, только не подумайте ничего такого...

— И не думал.

— Тогда вы из города?

— Из Москвы.

— Вот как? Очень интересно. Я была там один раз. Огромный город! А вы женаты?

Маханов улыбнулся, увидев в глазах не сильно отягощенной моральными нормами женщины озорной огонек:

— Это имеет значение?

Она обиженно сморщилась:

— Никакого. А, извините, в Олевск вы по какой надобности? Если в командировку, то у нас есть гостиница, есть и дом колхозника, да только все это — клоповники, да и мест там никогда нету. А если и бывают, то от одних портянок задохнуться можно. То ли дело у меня — свой дом! Могли бы договориться.

Она выжидающе, с надеждой смотрела на Маханова.

— Я не командировочный, Клава, и в Олевске задерживаться не намерен.

Она разочарованно вздохнула:

— Ну вот всегда так, только встретишь настоящего мужчину и — облом.

— Вы о чем?

— Да так, о своем. Значит, не в Олевск, а куда?

— Вы очень любопытны.

— Я такая.

— На похороны еду, Клава. В Горбино отец у меня умер.

— Ой, извините, соболезную.

— Спасибо.

— Но адресок-то на всякий случай запомните?

— Зачем?

— Да мало ли, пригодится.

— Хорошо, давайте адресок.

— Он простой. Прибрежная, 12, от автобусной станции пять минут ходьбы, сразу за клубом вдоль Терева идет моя улица. А там подскажут, меня все знают.

— Не сомневаюсь.

— Не в том смысле.

— Да я понял.
— Заезжайте, буду рада.
— Как получится.
— Может, пройдемся по лесу, пока Васька свой автобус чинит?

Маханов посмотрел на сидящих на обочине пассажиров, перевел взгляд на Клавку:

— Думаете, затянется ремонт?
— А кто его знает? У Васи каждый раз по-разному: когда за десять минут управится, а когда до вечера провозится. Но он — мужик упертый, обязательно сделает. Пешком идти не придется. Хотя... я бы с вами и пешком пошла.

— Далеко.
— Это одной далеко, а вдвоем — близко.

Маханов прекрасно понимал, на что она намекает, но перебивать не стал, хоть какое-то отвлечение от тяжелых мыслей.

— Пойдемте.

На этот раз ремонт затянулся на три часа.

Пока Маханов гулял с Клавкой под насмешливые взгляды пассажиров, женщина не раз намекала, что не против познакомиться с ним поближе прямо в лесу. Маханов делал вид, что не замечает этого. Он все больше беспокоился, потому что уже здорово опаздывал. Он все еще надеялся, что без него отца не похоронят. Хотя в глубине души и желал этого — не хотелось видеть его мертвым.

В 12.40, Маханов заметил по часам, водитель Василий или Иваныч, всяк называл его по-своему, закрыл капот, вытер ветошью руки, залез в кабину

и завел двигатель. Тот заработал без перебоев и выстрелов из выхлопной трубы.

— Товарищи, прошу в салон! Извините за простой, по техническим причинам — бывает. Едем!

Народ забрался в салон. Клавдия уселась рядом с Махановым.

Шофер повернулся, подмигнул Николаю Ивановичу. Потом, видно, вспомнил, куда тот едет, смутился, закашлялся, закрыл двери.

Автобус побежал дальше. Опоздывал он больше чем на три часа. Маханов подумал, что, может статься, он воспользуется услугами Клавдии, если его не дождетя Фомич с подводой. Она найдет ему попутный транспорт. Вот только какую плату за это затребует?

«ЗиС» въехал в райцентр в 13.10. Пассажиры то тут, то там, по дороге, стали просить остановиться. В другой раз Василий, может, и проигнорировал бы эти просьбы, но сегодня он чувствовал себя виноватым и потому вставал у каждого столба.

Маханов нервничал, Клавка смотрела на него, лелея тайные надежды. Впрочем, какие там тайные — ее единственное желание было написано у нее на лице.

Наконец автобус приехал на станцию. Это была давно заколоченная будка, в которой когда-то сидел билетер, была касса, но тогда и ходили несколько автобусов. Сейчас же здесь останавливался только «ЗиС» Василия.

Клавдия вышла вместе с Махановым.

— Вас должны встретить? — спросила она.

— Должны, но могут и не встретить, а мне надо в Горбино.

— Ничего, мы найдем, как доехать. Пообедаем у меня, столовая у нас не для москвичей, зато цены — похлеще городских.

Но Маханова встречали. Он не сразу заметил подводу, зато увидел Николая Фомича Дубко, которого чаще звали «дед Фомич», потому что он разменял уже восьмой десяток.

Дед был заметно навеселе:

— Ну здравствуй, тезка!

— Здравствуй, Николай Фомич.

— Задержался ты что-то.

— Так вышло. Автобус сломался.

— Ну, этим тут не удивишь. Вот только на похороны-то ты не успел. Отпевали в полдень, потом сразу на кладбище, вот так-то. Выпьешь?

Он достал из кармана мятых штанов поллитровку мутного самогона. Один вид спиртного вызвал у Маханова отвращение:

— Нет, дед Фомич, не хочу.

— Ну, дело хозяйское, а я приму. — Он откупорил бутылку и отхлебнул прямо из горла.

Пока дед довольно крякал и занюхивал куском черного хлеба, Маханов повернулся к Клавке:

— Вот меня и встретили.

— Да вижу. — Весь ее вид говорил: «Принесло же тебя, старый хрыч, и чего ты не свалил в свою деревню?» — Вижу, Николай Иванович. Что ж, адресок есть, может, на обратном пути заглянете? Двери моей хаты для вас всегда открыты. До свиданьяца.

И, отчаянно виляя бедрами, она направилась в сторону клуба.

Николай Фомич проводил ее внимательным взглядом:

— Кто такая?

— Попутчица.

— Глядела на меня, словно я у нее корову увел. Гулящая — сразу видать.

— Она просто попутчица. Вместе из города ехали.

— Знаю я этих попутчиц. Хищницы! Охочие больно до мужиков. Ладно, поехали, что ли, а то и на поминки не успеем.

— Ну на поминки-то успеем в любом случае.

Дед утвердительно кивнул головой:

— Твоя правда. У нас ведь как — только начать, а потом уж никто и не помнит, за что пьют. То ли за упокой, то ли за здравие.

— Едем, Николай Фомич, где подвода-то?

— Тут, за углом.

— Не боишься оставлять?

— Не-е, чего ей будет: лошадь старая, телега — того и гляди развалится, только сено свежее.

— Доедем?

— У меня не автобус. Лошадь и на одной оси дотянет.

Они прошли за угол. Лошадь мирно щипала траву, в телеге было расстелено сено, поверх него брошен брезент.

— Садись, Николай Иванович, поедем до дому, до хаты. Давненько ты на деревне не был. Да и не мудрено — большой человек стал в Москве!

— Семен Коробов в деревне? — спросил Маханов.

— Дружок-то твой? Тама. Где ж ему быть? Шоферит — председателя возит. Нынче на ремонте, а то бы он за тобой приехал. Вторая машина под доярками, ту брать нельзя. Ну, устроился?

— Да, — ответил Маханов, растянувшись на брезенте, из-под которого шибал в нос приятный, бодрящий запах свежескошенной травы.

— Ну, с богом.

Дед залез на передок, тронул вожжи. Лошадь, не спеша, пошла по улице, выходящей прямо к дороге на деревню Горбино.

Вскоре стали попадаться знакомые места. Низовье реки Уборы — не напрасно территория, в которую входит область, называется Украинским Полесьем. Река средняя, шириной от тридцати до пятидесяти метров, полноводная. Эти места всегда отличались богатой рыбалкой. На удочку без всяких неводов, сетей и вершей, можно было взять двухкилограммовых лещей, сазанов да язей. Водились тут и хищники: щука, судак, окунь.

— Хорошие места, — проговорил Николай Иванович.

— Чегой-то? — обернулся дед Фомич.

— Места, говорю, у нас хорошие.

— А... Это да-а.

— Сейчас тут рыбу-то ловят?

— Твой друг Семен Коробов, бывает, приезжает. Пехом-то далековато, да и нужды особой нет, рыбы в реке и у деревни полно.

Дальше пошел лес.

— Дед Фомич, — позвал Маханов.

— Айя?

— Охотничий домик цел?

— А куда ж он денется, цел! Туда мужики навешиваются, когда на кабана или лося ходят.

— Расскажи, как умер отец.

Николай Фомич выдохнул:

— Не могу сказать — умер и умер. Вроде ни на что не жаловался. Дня за два до смерти я его видел: копался на огороде, потом городьбу красил — председатель тогда краску выдал. Где-то Рылов, агент по снабжению, на излишки сена выменял. Вонючая зараза. Но все лучше, чем никакая.

— Рылов, значит, все по снабжению?

— Да.

— Отец писал, сына его вроде репрессировали.

— Так это давно. В тридцать восьмом. Он у него тоже в снабжении работал на базе овощной. На воровстве и попался. Так что тут заслуженное наказание. И поделом. Нечего руки свои загребущие в добро общее запускать. Да у них весь род такой. Что дед Ефим в царское еще время за конокрадство сидел, что сам Мирон под следствием был, опять-таки по делу воровскому. Этот вывернулся. А сыночек загремел. Жену его с сыном жалко. Тоже сослали, непонятно только за что. Правда, был слух, вроде как оправдали, но так это или нет, не знаю. И никто не знает. Скоро сгинули они. Да и чего им, бедолагам, тут делать? Подались, наверное, в ту же Москву или в Киев. А Степка сидит. Мирон сам по себе хмурной

всегда был, а сейчас и подавно. За версту видно, что озлобился на новую власть. Да ну его к черту, прости господи. — Дед трижды перекрестился.

Как ни билась советская власть с религией, искоренить ее в деревнях и селах не получалось. Впрочем, и в городе тоже. Только там привязанность к вере скрывалась. А в душу не залезешь.

Выехали к большому оврагу. Это уже в версте от деревни. Сюда пацанами зимой ходили, в глубине родник незамерзающий был. Оттуда воду ведрами брали, поливали склон, делали горки, на фанере или картонке, что от сельмага умыкали, катались. Склоны здесь высокие. А в начале оврага, когда теплые дни выдавались, катали снежные шары, из них крепости строили. Потом одни вставали гарнизоном, другие нападали. Потом менялись. Забав в детстве хватало. Как давно и в то же время совсем недавно это было! И мама была жива, и отец, и многие другие. Деревня была большой. Она и сейчас большая, но уже не та.

— А пацанва, Фомич, тут зимой балуется?

— Балуется. Не так весело, правда, как раньше. Да оно, Коля, ныне все не так, как было.

— Значит, не знаете, как умер отец?

— Нет, Коля. Я опосля того, как видел его в огороде, уезжал в район по заданию председателя колхоза, товарища Тетерина. А когда вернулся, так и узнал: утром Ивана Ивановича мертвым нашли.

— Нашли? Как это? — заинтересовался Маханов.

— А Рылов поутру шел в контору, его хата на нашем конце, вдруг видит: дверь приоткрыта. Почуял

неладное, зашел, а Иван Иванович у печи на полу лежит. Видать, плохо ему стало, хотел выйти, людей позвать. Так ли, нет ли было на самом деле никто не знает. Правда, Тетерин вызвал участкового из района. Тот приехал, осмотрел все, протокол составил и сказал: хороните, мол, своей смертью старик помер. Такие вот дела, Коля.

— Значит, это Рылов обнаружил отца?

— Он. А чего это ты как участковый Поленко заговорил? Тот тоже все казенными словами раскидывается — прибыл, убыл, обнаружил. Но тому по должности положено.

— Да так, сорвалось.

Они въехали в деревню. Ее прорезала центральная улица, на одной стороне которой располагался сельсовет и правление колхоза «Звезда», рядом с правлением — сельмаг и небольшой клуб, похожий на барак. Здесь проводились общие собрания, устраивались танцы для молодежи, показывали кинофильмы.

Параллельно главной улице, проходили еще две. Огороды правой улицы выходили к реке, ее называли Речной. Левую называли Выселками, она была ближе к полям и лесу. С запада и севера тоже виднелся лес. За северной околицей простиралась луга, там же было и кладбище.

Улицы соединялись между собой многочисленными прогонами. На берегу реки виднелись лодки. На лугах паслось колхозное стадо. Люди в это время работали в поле, но сегодня был день не обычный, сегодня хоронили Маханова Ивана Ивановича, уважаемого в Горбино человека, первого председателя